

В ТЕНИ МЕЧА

Том Холланд

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ИСЛАМА И БОРЬБА
ЗА АРАБСКУЮ
ИМПЕРИЮ

Том Холланд
**В тени меча. Возникновение
ислама и борьба за
Арабскую империю**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11644020

В тени меча. Возникновение ислама и борьба за Арабскую империю /

Пер. с англ. Л.А. Игоревского: Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05974-1

Аннотация

В VI в. Ближний Восток был поделен между двумя великими империями – Персидской и Римской. Прошло сто лет, и на их месте возникла новая супердержава – Арабская империя. Перемены, произошедшие в этот период, были не только политическими или культурными – случилась трансформация человеческого общества, ее последствия для будущего оказались огромными. Сегодня больше половины мирового населения исповедует ту или иную религию, которые оформились именно в период поздней Античности. И как убедительно доказывает Том Холланд, все то, во что сегодня верят иудеи, христиане и мусульмане относительно истоков их религий, далеко не однозначно. Исследуя понимание божественного в сознании жителей великих империй, автор ведет рассказ о войнах и

чуме, императорах в роскошных дворцах и о покрытых язвами мучениках на столбах, о переполненных городах и безлюдных пустынях. Это история полная драматизма и удивительных открытий.

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Между двумя мирами	7
Величайшая из когда-либо рассказанных историй	22
Воздушное ничто	45
Сектантское окружение	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Том Холланд

В тени меча

Не ищи драки с врагом. Проси Господа о мире и благополучии. Но если ты оказываешься лицом к лицу с врагом, тогда прояви выносливость и помни, что врата рая находятся под тенью меча.

Высказывание пророка Мухаммеда, записанное Салихом Муслимом

Tom Holland

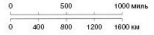
In the Shadow of the Sword

THE BATTLE FOR GLOBAL EMPIRE AND THE END
OF THE ANCIENT WORLD

This edition published by arrangement with Conville & Walsh Ltd. and Synopsis Literary Agency.

In the Shadow of the Sword Copyright © Tom Holland, 2012

Мир поздней Античности

Часть первая

Введение

Я включу в свой рассказ только те вещи, которые могут принести пользу сначала нам самим, а потом и следующим поколениям.
Евсевий. Церковная история

Глава 1

Известные неизвестные

Между двумя мирами

Юсуф Асар Ясар, арабский царь, прославившийся своими длинными волосами, благочестием и абсолютной безжалостностью, потерпел поражение. Покинув поле сражения, он направил своего покрытого пятнами крови белого боевого коня к берегу Красного моря. Он знал, что за его спиной христианские чужаки уже наступают на его дворец, чтобы разграбить сокровищницу, захватить царицу. У победителей не было причин проявлять к нему милосердие. Лишь немногие оказались более известны среди христиан (и пользовались более дурной славой), чем Юсуф. Двамя годами ра-

нее, желая завладеть юго-западной частью Аравии для установления там своей веры, он взял их крепость Наджран. То, что произошло потом, на целое десятилетие стало кошмаром для христиан далеко за пределами Химьяра, царства на Красном море, которым правил Юсуф. Местная церковь вместе с епископом и большим количеством прихожан, запертых внутри, была сожжена. Девственницы, прибежавшие к пожару, бросались в огонь и дерзко кричали, как сладко дышать воздухом, который пахнет горящими священниками¹. Одна женщина, лица которой никто и никогда не видел за дверью ее дома и которая никогда не ходила по городу среди дня², сорвала свой головной платок, чтобы сильнее упрекнуть царя. Юсуф в ярости приказал убить перед ней ее дочь и внучку, выплеснуть на нее их кровь, а уж потом снести ей голову.

Подобное мученичество, хотя и уважалось христианской церковью, так просто не прощалось. И к Химьяру прибыла огромная армия из христианского царства Эфиопия. Защитников окружили, разбили и обратили в бегство. Юсуф понимал, что теперь, когда воды Красного моря плещутся у самых копыт его коня, он находится в конце своего пути. Его беспрекословного подчинения законам, указанным Богом пророку, недостаточно, чтобы спасти его от гибели. Он медленно направил коня в воду, и очень скоро тяжесть доспехов увлекла его на дно. Так окончилась жизнь Юсуфа Асара Ясара, последнего иудейского царя, правившего в Аравии.

Крах Химьярского царства, имевший место в 525 г., не самое примечательное событие древней истории. Самому Химьяру, несмотря на процветание в течение шести веков до окончательного краха при Юсуфе, не хватает известности Вавилона, Афин или Рима. Вероятно, это неудивительно, поскольку юг Аравии тогда, как и сейчас, был периферийным регионом по отношению к главным центрам цивилизации. Даже арабы, которых народы, ведущие оседлый образ жизни, считали жестокими и грубыми – из всех наций на земле самыми презренными и незначительными³, – могли смотреть свысока на предполагаемых варваров региона. Химьяриты, как изумленно и возмущенно сообщил один арабский поэт, оставляли своих женщин необрезанными и не считали зазорным есть саранчу⁴. Такое поведение считалось совершенно недопустимым.

Химьяр находился в тени не только из-за своего географического положения. Период, в котором имела место смерть Юсуфа, окутан мраком неизвестности. VI в. не поддается точной категоризации. Он представляется стоящим между двумя эпохами – классической цивилизации и Крестовых походов.

Историки относят его, как и предыдущий и последующий века, к поздней Античности, но этот термин лишь сгущает тени. После поздней Античности наступило Средневековье.

Для любого, кто привык думать об истории как о после-

довательности точно определенных и изолированных эпох, во всем этом есть нечто тревожащее. Как ученый в классическом фильме ужасов «Муха», ставший мутантом, сочетавшим в себе черты насекомого и человека, мир поздней Античности может показаться, с нашей точки зрения, состоящим из разнородных элементов. Далеко за пределами царства Юсуфа империи, возникшие на сказочно древних фундаментах, продолжали господствовать на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, как и много веков назад. Сам их возраст служит для того, чтобы подчеркнуть, как основательно они освободились от уз прошлого. Возьмем, к примеру, регион, расположенный к северу от Аравии, – землю, которую сегодня называют Ираком. Здесь на приливных полосах, которые были свидетелями расцвета городской цивилизации, хранили верность царю, который, как и его предшественники на протяжении тысячелетия, был персом. Его владения, как и территории Персидской империи тысячую годами раньше, тянулись на восток до границ с Индией и в глубь Центральной Азии. Великолепие его двора, пышность ритуалов и нескромность притязаний – все это было бы прекрасно известно царю Вавилона. Но то, что когда-то было так, практически забыто народом Ирака. Распространившаяся амнезия стерла воспоминания, которые выдержали тысячелетия. Даже персы, далекие от благоговения перед правдой об их славном имперском наследии, начали его скрывать и искажать. Наследие несравненной истории Ирака – сохранившие-

еся в персидских фантазиях о мировом господстве и победах, придающих этим фантазиям достоверность, – живет, но все чаще имеет облик не ушедших веков, а чего-то нового.

Другие супердержавы были не так невнимательны к своему прошлому. Великие города Средиземноморья, построенные из камня и мрамора, а не из илистых кирпичей, которые использовали жители Ирака, не так быстро разрушались, превращаясь в пыль. И империи, которые ими управляли, также в 525 г. считались не подверженными разрушению. Даже персам римлянин мог представляться чем-то фундаментальным, базовым. Они считали, что так Бог создал мир, и, скрипя зубами, признавали, что весь мир с самого начала был освещен «двумя глазами» – мудрыми правителями Персидского царства и могущественной империей римлян⁵. Тем не менее сами римляне, хотя определенно ничего не имели против лести, знали, что к чему. Они не видели смысла верить в то, что их империя существовала с начала времен, и отлично понимали, что ее величие возникло на пустом месте. Проследить ход этого возникновения и развития – значит понять тайны ее успеха. Когда Юсуф исчезал в водах Красного моря, в римской столице составлялись планы поиска в библиотеках и архивах – беспрецедентного труда ученых, целью которых было сохранение для потомков великого наследия знаний. Это был масштабный проект. История, так же как армии или золото, стала одной из составляющих силы Римского государства. Она дала империи уверен-

ность в том, что та является именно тем, на что претендует, – моделью человеческого порядка. Как можно было поддержать престиж цезаря, если не трубить направо и налево о римской древности?

Трудность для римских творцов политики заключалась, конечно, в том, что славные события прошлого вовсе не обязательно дают надежные руководящие принципы и ориентиры для будущего. Бесспорно, империя осталась тем, чем была почти тысячу лет: самой грозной супердержавой из всех. Она была богаче и населеннее, чем ее персидская соперница, и надежно удерживала Восточное Средиземноморье, всегда самую богатую его часть. Цезарь правил огромной территорией от Балканских гор до египетских пустынь. Однако оказалось, мягко говоря, неприятно, что территория, некогда бывшая западной половиной Римской империи, к 525 г. ей вообще не принадлежала. За предшествовавшее этой дате столетие огромная часть ее владений была утрачена. Британия отделилась в 410 г., за ней в следующие десятилетия последовали другие провинции. В конце века отделилась вся западная часть империи – даже Италия и Рим. Вместо почтенного, освященного веками имперского порядка появилось «лоскутное одеяло» из независимых королевств, причем все они, за исключением нескольких – на западе Британии, управлялись военной элитой из-за пределов бывшей империи. Отношения, существовавшие между местным населением и пришельцами – «варварами», в разных государ-

ствах были различными. Одни, как бритты, сражались с захватчиками не на жизнь, а на смерть, другие, как итальянцы, приветствовали их, словно цезарей. Но во всех случаях после краха империи сформировались новые государства, личности, системы ценностей и цели. Все это со временем привело к установлению совершенно иного политического порядка в Западной Европе. Покинутые Римом провинции больше никогда не признают одного хозяина.

Со временем обе великие империи – Персидская и Римская – разрушатся, как Ниневия и Тир, но не государства, образовавшиеся в западных провинциях Римской империи, – некоторые из них до сих пор в своих современных названиях содержат упоминания о вторжениях военных отрядов варваров в эпоху поздней Античности. Европейские истории традиционно говорили о приходе франков на земли, которые впоследствии стали Францией, и англов – в будущую Англию, как о событиях несравненно более важных, чем деятельность цезаря или любого персидского царя. Сегодня мы знаем, что крах подстерегал обе соперничающие империи. Прошел век после краха царства Химьяритов, и обе сверхдержавы оказались на краю бездны. То, что Персидская империя рухнет окончательно, а от Римской останется искалеченный обрубок, обычно считалось показателем их бесперспективности, старения, ненужности. Представляется весьма заманчивым допустить, что они умерли от старости и немощности. Медлительность поздней Античности для тех,

кто прослеживает в ней только гибельную линию упадка и краха, имеет черты задержавшихся гостей, которые отказываются надевать свои пальто, хотя вечеринка уже закончилась.

Вот только империи, созданные людьми, принадлежали не только земле. Цезарь мог казаться своим подданным лучезарным и великолепным, его замки и дворцы грозно возвышались над жилищами простых людей, а солдаты, чиновники и сборщики налогов действовали безжалостно, исполняя его волю, но он был всего лишь смертным в бесконечном космосе, управляемом небесным царем. Это предположение к тому времени, как Юсуф в начале VI в. оказался загнанным в угол, принималось без возражений на всем Ближнем Востоке и оказало влияние практически на все аспекты геополитики в регионе. Когда Юсуф сошелся в схватке с пришельцами из Эфиопии, на карту было поставлено нечто большее, чем мелкие амбиции враждующих полководцев. Были вовлечены и небесные интересы. Противоречия между теми, кто сражался за иудеев, и теми, кто взял в руки оружие во имя Христа, были настолько глубокими, что могли считаться непримиримыми. Обе стороны были непоколебимо уверены, что бог, которому они поклоняются, являлся единственным Богом – *monos theos* по-гречески, и это убеждение делало обе стороны еще более непреклонными и безжалостными. Не только в Южной Аравии, но и на всем пространстве цивилизованного мира поклонение конкретному пони-

манию божества стало той самой главной эмоцией, которая определила жизнь миллионов людей. В эпоху, когда царства возникали и исчезали, словно морская пена, и разрушались даже великие империи, не существовало земной силы, которая могла похвастать такой преданностью. Личность определялась не земным царством, а разными концепциями единственного Бога. Речь идет о монотеизме.

Такое развитие событий положило начало трансформации человеческого общества с непредсказуемыми последствиями для будущего. Из всех черт современного мира, которые можно проследить до Античности – алфавиты, демократия, фильмы о гладиаторах, – ни одна не оказала столь всеобъемлющего влияния, как установление впервые в истории отдельных разновидностей монотеизма в качестве государственных религий. В начале 3-го тысячелетия от Рождества Христова около трех с половиной миллиардов человек – более половины населения Земли – ассоциируют себя с той или иной формой религии, которые приняли современную форму в период, начавшийся за двести пятьдесят лет до смерти Юсуфа и закончившийся через двести пятьдесят лет после нее. Поэтому период поздней Античности, хотя и может показаться отличным от других исторических эпох, не менее значим. Когда мужчины или женщины вдохновлены верой в единственного Бога на определенные поступки, они демонстрируют его влияние. Эффект революции, свидетелями которой стали жившие в то время люди, чувствуется и в

наши дни.

Цель этой книги – проследить истоки и ход этой революции. Как вышло, что мышление людей всего за несколько столетий изменилось настолько радикально и прочно? Это богатая человеческая история, наполненная яркими драмами, выдающимися характерами, часто имевшая мятежную окраску. Она же предъявляет особые требования к историку, поскольку значительная ее часть происходит не в физическом мире. В ней есть цари и ангелы, полководцы и демоны. Следовательно, далеко не все события, описанные на этих страницах, можно объяснить материальными интересами и политическим расчетом. На четкий и яркий мир простых смертных бросает тень другое измерение, в котором живут ангелы и демоны, в котором есть небесный свет и проклятия. Современники Юсуфа, анализировавшие его падение, определенно не были наивными. Они поняли сложные вопросы торговой политики и соперничества двух великих держав и вместе с тем никогда не сомневались в том, что пески Аравии одновременно стали сценой для небесной драмы, когда в схватке сошлись силы рая и ада. Можно было иметь разное мнение относительно того, на чьей стороне выступал Юсуф – ангелов или демонов, но и евреи, и христиане верили: все случившееся шло от Бога. Это был главный тезис эпохи, и историк поздней Античности, который не отдает ему должное, обречен на неудачу.

Поэтому верования этого периода должны рассматривать-

ся со всей серьезностью и участием. Но это не значит, что они должны приниматься безоговорочно и целиком, так сказать, по номинальной стоимости. В начале IV в. палестинский епископ по имени Евсевий написал историю ранней церкви. В ней он положил начало историческому исследованию, которое объясняло прошлое как следование образцам (принципам) по указующему персту Господа. Это предположение, хотя и имело огромное влияние, и не только среди христианских авторов, на Западе вышло из моды несколько веков назад. Какими бы ни были личные религиозные взгляды современных историков, они, как правило, не объясняют прошлые события как деяния Божественного провидения. Все аспекты человеческого общества – даже сами верования – теперь считаются продуктами эволюции, однако это не чисто современный взгляд. Сам Евсевий за пятнадцать столетий до возникновения теории Дарвина видел в подобных ей утверждениях пагубную и грозную ересь. Ничто не могло встревожить его больше, чем идея, распространяемая врагами его веры, – это было нечто сиюминутное и случайное, просто искаженное эхо древних традиций. Его история, далекая от прослеживания перемен в доктринах и институтах церкви, демонстрировала, что они не менялись ни в малейшей степени. А само христианство? По мнению Евсевия, оно существовало с начала времен. Он считал, что надо рассматривать религию, в последние годы распространившуюся в каждом народе, как самую первую, древнюю, самую при-

митивную из религий⁶.

Сегодня для многих из нас, знакомых с местами захоронения неандертальцев и наскальными рисунками кроманьонцев, это утверждение вовсе не представляется очевидным. Тем не менее его основной принцип – что религии имеют некую таинственную и базовую суть, неподвластную времени, – принимается как само собой разумеющееся. По большей части за это стоит благодарить Евсевия и ему подобных. Великая инновация поздней Античности заключалась в оформлении из того, что иначе могло стать хаотичным смешением верований и доктрин, индивидуальных моделей для отдельных религий и в установлении их как окончательных. Как это было сделано – волнующая и весьма примечательная история, поскольку она затрагивает и высокую политику, и глубочайшие человеческие эмоции. Столкновение великих империй и нищета рабов, сияние великолепных мозаик и тлетворный дух чумных ям, шум переполненных городов и тишина пустынь – все имело значение. Начавшись в Древнем мире и окончившись в Средневековье, эта трансформация имела большое значение, как любой исторический процесс.

Но в повествовании следует соблюдать осторожность, прежде всего потому, что существуют неизбежные пробелы и противоречия в источниках, характерные для всех периодов древней истории. Возьмем, к примеру, рассказ о смерти Юсуфа. Согласно одним источникам, он пал в бою, согласно другим – утопился. Более проблематичной является опреде-

ленная предвзятость в наших источниках – почти все они написаны христианами (так, например, имеется три современные надписи, выражающие мнение химьяритов; они обвиняют христиан в Наджране в том, что сегодня считается терроризмом). Путаница существует даже в хронологии. Некоторые историки датируют смерть Юсуфа не 525 г., а 520-м. Все это можно было бы отнести к не самым существенным деталям. Однако есть одна большая и намного более значительная трудность. Любая история, исследующая развитие враждующих монотеистических религий, не может не использовать такие слова, как «христианин» и «иудей». Хотя, как видно из рассказа о Юсуфе, в поздней Античности эти слова не обязательно означали то же самое, что сегодня. Казнь закрывавшей лицо христианки в Аравии иудейским царем явно имела место в мире, далеком от нашего.

Поэтому данная история представляется несколько странной и более удивительной, чем кажется на первый взгляд. Здесь в полной мере проявились творческие способности ранних авторов. Конечно, во все периоды есть историки, которые стараются переписать прошлое ради настоящего. Но никто не делал этого так убедительно или с такими живучими последствиями, как историки поздней Античности. Высшее достижение иудейских и христианских ученых той эпохи – создание истории соответствующих вероучений, представляя их закономерной и неизбежной вершиной развития, отбрасывая все, что могло бы противоречить такому впечат-

лению. Кем бы в действительности ни был Моисей, и существовал ли он вообще, сегодняшнее мнение о нем евреев сложилось под влиянием раввинов поздней Античности. Это были прекрасно образованные люди, веками старавшиеся показать, что их величайший пророк – не важно, как далеко он был от них во времени, – на самом деле такой же, как они. Точно так же, кем бы ни считал себя Иисус, христианское понимание его миссии и божественности, каким его излагает большинство сегодняшних церквей, отражает турбулентность поздней римской политики, усилия римских епископов и императоров оформить вероучение, которое могло объединить народ божий. Основная структура иудаизма и христианства – не важно, как далеко в глубь веков уходят истоки, – появилась в рассматриваемую эпоху.

Только вера – или ее отсутствие – может в конечном счете ответить на великие вопросы, лежащие в сердце этих религий: действительно ли евреи – народ, избранный Богом, и действительно ли Иисус воскрес из мертвых. То же самое можно сказать и о других загадках: как и почему впервые появилась иудейская вера в единственного Бога, какими были доктрины ранней церкви. Некоторые искры, впервые разжегшие пламя иудаистской и христианской практики, могут разглядеть историки, но множество других остаются скрытыми от нас. Мы смотрим сквозь толстое стекло, которое было создано для нас мужчинами и женщинами – главными героями этой книги.

Разумеется, тот факт, что культ первобытного прошлого может привести к его сокрытию и даже полному разрушению, отнюдь не является новым парадоксом. Многие богатые люди в Древнем мире выражали свое благочестие, возводя колоссальные сооружения над скромными святилищами. Однако иудейские и христианские ученые эпохи поздней Античности значительно больше преуспели в деле обновления. Их конечное достижение – сотворение интерпретации не только их собственных форм монотеизма, но и самой религии. Эту трактовку теперь миллиарды людей принимают как должное. Они считают ее влиянием свыше, воздействующим на их поведение в этом мире и на вечную жизнь их душ в мире ином. Именно поэтому изучение трудов того времени в поисках свидетельств того, что произошло в действительности, является таким интересным и волнующим.

Данный проект, разумеется, отнюдь не легок. Но не сложность и двусмысленность источников были главной трудностью. Историю, подобную приведенной в этой книге, невозможно рассказать без предварительного объяснения, как и почему она изложена именно так.

Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к изложению, я сделаю паузу и сообщу нечто совсем иное: как создается рассказ.

Величайшая из когда-либо рассказанных историй

Победители – любимчики небес. Даже христиане, чей Бог умер, как осужденный преступник, распятый на деревянном кресте, соглашались с этим утверждением. А уж Евсевий определенно с этим не спорил. А как же иначе? Ведь он видел своими глазами Римское государство, которое веками пятнало себя кровью христиан, а потом чудесным образом превратилось в оплот церкви. Нет необходимости для цезаря, который первым склонил голову перед Христом, ждать смерти, чтобы получить должную награду. Евсевий, совмещавший таланты интуитивного полемиста со склонностью к поклонению героям, написал полную биографию императора, чтобы подчеркнуть эту мысль. По Евсевию, он был так угоден Богу, благословен, благочестив и удачлив во всех своих начинаниях, что с великой легкостью получил власть над большим числом народов, чем все, кто были до него. И он сохранил эту власть до конца жизни⁷.

Уверенность в этой формуле – что вера в Христа приведет к земной славе – выдержала немало ударов в последующие столетия. Нескладно: чем больше римлян становилось христианами, тем больше сжимались границы империи. Теологи изобретали самые разные объяснения этому загадочному явлению; объяснений, которые христиане, имевшие воз-

возможности изучить Евангелия, чтобы узнать взгляды Иисуса, вполне могли посчитать убедительными. Тем не менее ключевое высказывание, на котором подробно остановился Евсевий, – что величие в этом мире даруется Господом тому, кто ему угоден, – оказалось слишком правдоподобным и внушавшим доверие, чтобы от него сразу отмахнуться. Вместо этого все больше римлян обнаруживали себя втянутыми в отчаянную борьбу за выживание, и все больше богатств оказывалось присвоенными новыми и удивительно быстро достигшими успеха имперскими народами. То, что одни и те же завоеватели не только лишили римлян богатейших провинций, но и сокрушили персов, не могло не стать шоком. Случившееся было настолько неожиданным и удивительным, что показалось чудом. Что, кроме руки Господа, могло объяснить мировое господство народа, ранее считавшегося всеми отсталым и диким – арабов?

Спустя пять веков после времен Евсевия, в начале IX в., близкая связь, установленная учеными между благочестием и земной властью, все еще широко признавалась. Самим христианам идея вряд ли нравилась, в отличие от арабов, пребывавших в твердом убеждении, что все их блестящие победы достигнуты благодаря милости Бога. Они верили, что двумя веками раньше небеса даровали их предкам целый ряд сверхъестественных откровений. Божий промысел покарал иудеев и христиан, указав тем, кто ему подчинился, путь к глобальной империи. И спустя восемь столетий после

Рождества Христова арабы стали называть себя мусульманами – «теми, кто подчиняется Богу». Они владели обширными территориями, завоеванными мечами их предков, которые простирались от берегов Атлантического океана до границ Китая, а Бог требовал от них только одного – подчинения. Ислам – таково было условное обозначение того, что к началу IX в. стало целой цивилизацией.

Приход ислама дал новое высокое положение не только арабам, но и их языку. Мусульмане верили, что именно на арабском языке Бог открыл свои цели человечеству. То, что достаточно хорошо для Всевышнего, естественно, хорошо и для смертных. К 800 г. арабский язык избавился от неуважения, с которым к нему традиционно относились ранее, и даже было решено, что он звучит словно музыка силы, а его рукописный шрифт – произведение чистой красоты, облагороженное до изысканного совершенства искусством каллиграфов. Среди арабов написанное слово было на грани превращения в манию. Один ученый, умерший в 822 г., оставил после себя библиотеку, помещенную в 600 сундуков. Другой, говорят, был раздавлен насмерть, когда на него, пьяного, рухнула большая стопка книг. Причем эта история вовсе не является неправдоподобной. Утверждают, что в одном томе арабской истории было почти 80 тысяч страниц, иными словами, весил он немало. Очевидно, люди, занимавшиеся титаническим литературным трудом, были далеки от века, считавшего их варварами, – это с удовольствием подчерки-

вали сами арабы.

Они постоянно стремились изучать прошлое, и это вряд ли можно считать удивительным. Жажда понять причину столь явного и зрелищного роста их состояний, прояснить процесс, его вызвавший, и истолковать то, что он раскрывает о характере их Бога, их никогда не покидала. Как и Евсевий, пятью столетиями ранее искавший ответы на подобные вопросы в жизни римского императора, так же и Ибн Хишам, иракский ученый, в начале IX в. обосновавшийся в Египте, обратился к его биографии, чтобы исследовать цели небес. Сира – так он назвал избранный им жанр жизнеописания, «примерного поведения». Ибн Хишама в основном интересовало не что сделал его объект, а как он это сделал. На то была веская причина. Герой жизнеописания Ибн Хишама, как верили мусульмане, являл собой во всех отношениях образец для подражания. Бог выбрал его, чтобы стать Его глашатаем. Именно через него Всемилостивейший, открывая свои желания арабам, даровал им те же откровения, которые вдохновили людей, живших за две сотни лет до Ибн Хишама, вырваться из пустынь и разорвать на части мировые супердержавы. «Мы – помощники Бога и подручные Его пророка и будем сражаться с людьми, пока они не уверуют в Бога. И тот, кто верит в Бога и Его пророка, защитил свою жизнь и собственность от нас, а с тем, кто не верует, мы будем бороться без усталы, и убить его для нас ничего не будет стоить»⁸. Таким, согласно Ибн Хишаму, был девиз арабских

воинов накануне завоевания ими мира.

Но кто именно являлся «пророком»? Целью Ибн Хишама было дать ответ на этот вопрос. Пребывая в Египте, в окружении руин забытых цивилизаций он рассматривал свою сирю не только как биографию, но и как описание самой значимой революции в истории. Его объектом стал человек, умерший за два года до начала распада Римской и Персидской империй, араб по имени Мухаммед. В возрасте сорока лет, имея за плечами умеренно успешную карьеру купца, он пережил, если верить Ибн Хишаму, ставший эпохальным для истории кризис среднего возраста. Этот неудовлетворенный и беспокойный человек стал бродить по пустыням, раскинувшимся вокруг его родного города, и каждый камень или дерево, мимо которого он проходил, говорил: «Да пребудет мир с тобой, о пророк Господа»⁹. Понятно, что Мухаммед еще больше встревожился. В тех местах, где он бродил в поисках духовного просвещения, редко слышались голоса. Мекка, ближайший город, находился в глубине Аравийской пустыни, а окружающие его кольцом горы, высушенные дочерна безжалостно палящим солнцем, были голыми, открытыми всем ветрам и пустынными. Но именно на склоне одной из гор, лежа ночью в пещере, Мухаммед услышал самый удивительный голос. Сначала он почувствовал, как вокруг его тела что-то сжимается. Он вроде бы оказался схваченным некой ужасной сверхъестественной сущностью. А потом последовала единственная команда: «Рас-

сказывай!» (или, возможно, «Читай!»; по Ибн Хишаму, рассказ появился перед Мухаммедом в виде надписи на парчовом покрывале). Затем, как будто слова были последним отчаянным выдохом воздуха, Мухаммед сам начал говорить строки стиха¹.

Читай, во имя Господа твоего, который создает,
Создает человека из сгустившейся крови.
Читай! Всеблагой Господь твой,
Который дал познания о письменной трости,
Дает человеку знания о том, о чем у него не было
знаний¹⁰.

Мухаммед говорил, но это были не его слова. Тогда чьи? Сначала сам Мухаммед заподозрил джинна, духа пустыни и ветра. Возможно, этому не стоит удивляться. Мекку, согласно Ибн Хишаму, часто посещали ведьмы и демоны. В самом центре города стояло святилище, построенное из камня и земли – Кааба, или «Куб», – населенное самыми ужасными божествами, тотемами сил зла, которых люди со всей Аравии собирали там, чтобы отдать дань уважения. Помимо этого, каждый дом в Мекке имел собственного идола: его следовало потереть на счастье перед дальней дорогой. Жители Мекки были настолько укоренившимися язычниками, что даже приносили жертвы камням: так, пару бывших любовников,

---

¹ В тексте книги использованы цитаты из Священного Корана – перевод смыслов Г.С. Саблукова (1878).

которые осмелились заняться сексом в Каабе, превратили в камни. Естественно, в таком зловещем городе, привыкшем к крови и магии, провидцев считали обычным явлением – они катались в грязи на узких улочках и изрыгали откровения, подсказанные джиннами. Страх Мухаммеда, что его ожидает такая же судьба, был настолько силен, что он решил покончить жизнь самоубийством. Встав, он вышел из пещеры и побрел в ночи вверх по склону. Он шел к вершине горы, готовясь броситься с нее вниз.

Но голос зазвучал снова: «О, Мухаммед! Ты – апостол Бога, а я – Гавриил». Могло ли это быть? Гавриил – могущественный ангел, посланец единственного Бога, которому поклонялись евреи и христиане, который еще в древнейшие времена – по крайней мере, так говорили – посылал откровения пророку Даниилу и поведал Деве Марии, что она родит сына. Обратив взор к небесам, Мухаммед увидел фигуру человека – его ноги стояли по обе стороны горизонта¹¹, – кто это, если не ангел? Мухаммед спустился с гор, вернулся домой и стал размышлять о пережитом. Постепенно ему стало казаться, что голос сказал правду. Он не слышал его два следующих года, но, когда Гавриил наконец вернулся и нарушил затянувшееся молчание, Мухаммед больше не сомневался, что он слышит благодаря ангелу слова Бога, причем единственно истинного, невидимого Бога. «Таков Бог, Господь ваш, кроме него, нет другого Бога. Он творец всего»¹².

Здесь, в этом бескомпромиссном утверждении, что существует только одно божество, лежит ключ к новому видению вселенной: монотеизм в первоизданном виде. С каждым следующим откровением понимание Мухаммедом единственности Бога – и своих обязанностей в связи с этим – становилось все яснее. Народ Аравии со своими каменными или деревянными идолами или финиками, смешанными с прогорклым маслом, всего лишь повторяли то, что существовало с начала времен. Величайшее заблуждение человечества – тттирк (многобожие) – вера в то, что небеса и земля заполнены толпой богов. И Мухаммед, повинуясь приказу голоса – «открыто возвестить»¹³ откровения Бога, – начал проповедовать. Он снова и снова предупреждал: человечество поддалось одному греху, которому нет прощения: вере в то, что Бог может быть связан с другими существами. Но, поскольку Он милосерден, «Господь миров»¹⁴ периодически посылает пророков, чтобы те открыли людям глаза на их ошибку. Ной и Авраам, Моисей и Иисус – все они проповедовали одно и то же: призывали подчиниться единственному Богу. Откровения, дарованные Мухаммеду, становились все чаще и длиннее. Стало очевидно: спустя шесть веков после Иисуса на земле появился новый пророк, и это на самом деле «печать пророков»¹⁵. Годы шли, Бог продолжал вещать устами Мухаммеда, и его последователи наконец поняли: он действительно избран небесами для великой

миссии.

С этим были согласны далеко не все. Пророчество, как мудро заметил Ибн Хишам, тяжкая ноша. Ее могут нести только сильные, решительные люди, да и то лишь с Божьей помощью и Его милостью, из-за противодействия людей, которое они встречают, передавая послания Бога¹⁶. Сограждане Мухаммеда считали его сначала безумцем, потом провокатором, а позже – смертельно опасным человеком. Особенное недовольство бескомпромиссным посланником Господа проявляли члены его собственного племени курейшитов. Это был консорциум кланов, пользующийся особым уважением среди разбросанных по Аравийской пустыне арабских племен¹⁷. Престиж, которым пользовались члены племени, отражался в выгодной роли, захваченной ими для себя – хранителей Каабы и множества ее идолов. Представляется, что эту роль Мухаммед, постоянно ведущий разговоры о единственном Боге, саботировал (тезис о том, что религия Мухаммеда являлась угрозой для деятельности курейшитов – хранителей Каабы, не упоминается в древних мусульманских традициях, но считается само собой разумеющимся в современных западных биографиях пророка). Неудивительно, что постепенно в Мекке стало слишком жарко для пророка и его последователей. К 622 г., через двенадцать лет после того, как с небес снизошло первое откровение, угроза нависла над их жизнями. Однажды ночью Мухаммеду явился Гавриил и предупредил, что курейшиты хотят убить его

во сне. Пора было бежать. Следуя по стопам своих сторонников, многие из которых уже покинули Мекку, Мухаммед выскользнул из города и скрылся в ночи. И началось не бесцельное бегство в пустыню, а тщательно спланированная миграция – хиджра.

Со временем стало ясно, что этот побег изменил все, даже летоисчисление. 622 г. доселе считается первым годом мусульманской эры, и далее календарь мусульман считается по хиджре – Anno Hegirae. Для Ибн Хишама центральным эпизодом жизни Мухаммеда было не первое откровение, а уход из Мекки. Он был уже не простым проповедником, Мухаммед начал серию деяний, в результате которых он со временем стал лидером нового политического порядка. Цель его путешествия – оазис к северу от Мекки, известный под названием Ятриб, нуждался в руководстве. Жившие там племена – причудливая смесь еврейских и арабских поселенцев – сначала с большим энтузиазмом враждовали между собой, но со временем, когда размах насилия перерос все допустимые пределы и грозил вот-вот выйти из-под контроля, люди устали от постоянного кровопролития. Возникла нужда в миротворце – надежном, достойном доверия и влиятельном человеке, – только возможно! – имеющем прямую связь с Господом. Короче говоря, Мухаммед, пророк, нуждавшийся в убежище, и Ятриб, город, которому был нужен пророк, идеально подходили друг другу. Ибн Хишам заявил, что такое идеальное соответствие устроили небеса.

В результате воцарения Мухаммеда в Ятрибе город в конечном счете лишился своего имени, оно исчезло с карты. Ятриб стал «городом пророка» – Madinat-an-Nabi – Мединой. Мухаммед прожил там до конца своих дней, построив общество, которое с тех пор служило образцом, моделью для мусульман. Суровым и ясным был упрек, который пророк обрушил на тех, кто продолжал жить, руководствуясь убийственной этикой пустынь. Любить богатство, «любя его страстно»¹⁸, красть у сирот и расточать их наследство, избавляться от нежеланных дочерей, закапывая их живьем в пески, – все это, как предупреждал Мухаммед, каралось вечным огнем. «Тем, которые несправедливо обижают людей и злодействуют на земле, им будет лютая мука»¹⁹. Перед грозной бесконечностью Бога, восседающего на месте судьи, даже самый высокомерный и буйный вождь клана – жалкая пылинка. Враждующие племена Ятриба, которых захлестнул поток откровений Мухаммеда, все чаще находили свои старые чувства вражды и преданности ничтожными по сравнению с величием его посланий. Но пророк, даже укрощая их склонность к более традиционным удовольствиям шовинизма, не думал лишать их чувства общности. Наоборот. Хотя Мухаммед, безусловно, принес мир в этот оазис, чего, собственно, от него и ждали, это стало для него пределом. Он предложил народу Ятриба нечто большее, намного большее – радикально новую идентичность, выкованную из беспорядочно двигающихся атомов раздробленного племенного по-

рядка. Они действительно стали единым народом, членом вселенской мусульманской общины – уммы.

Пусть Мухаммед был «печатью пророков», но он отнюдь не считал ниже своего достоинства заниматься делами образования земного государства. Бог продолжал разговаривать с ним. И уверенность пророка в себе не уменьшалась. Преграды на его пути сметались. Когда огромный разрыв между бедными и богатыми, который оскорблял Мухаммеда до глубины души, так и не уменьшился, он без лишних размышлений объявил вне закона ростовщичество и установил справедливую систему налогообложения. Когда евреи Ятриба, встревоженные трансформацией своего родного города в «город пророка», задумали выступить против Мухаммеда, они были изгнаны, порабощены или убиты. Когда курейшиты узнали, что Мухаммед намеревается напасть на один из их караванов, и выслали эскорт в пустыню, его встретил пророк с небольшим отрядом сторонников у оазиса Бадр и обратил в бегство. «За ними летели ангелы в белых тюрбанах»²⁰, светясь в небе над полем боя; они размахивали своими грозными мечами, и головы курейшитов летели с плеч.

Но самым явным и неоспоримым признаком благосклонности Бога была трансформация самого Мухаммеда. Всего лишь за десятилетие он превратился из беженца в фактического хозяина Аравии. Согласно Ибн Хишаму, он лично возглавил двадцать семь кампаний, и если иногда терпел поражение, и ангелы предпочитали не сражаться за него, как де-

лали это при Бадре, а служить ему резервом, то его конечный триумф может считаться еще более невероятным. К 632 г., который традиционно считается годом смерти пророка, язычество в Аравии было практически уничтожено. Самым приятным моментом стало покорение Мекки, имевшее место двумя годами ранее. Въехав в свой родной город, Мухаммед первым делом приказал выбросить из Каабы всех богов. Развели большой костер, и поверженные идолы погибли в его пламени. Дьявол, собрав своих сторонников вокруг, горестно воскликнул: «Оставьте все надежды, что после этого дня сторонники Мухаммеда когда-нибудь вернутся к ширку»²¹. По крайней мере, он вполне мог это прокричать. Почтенное святилище, признанный оплот язычества, наконец пал перед исламом. Но посвящение Мекки единому истинному Богу не было инновацией. Мухаммед – так он сказал своим последователям – восстановил первоначальную чистоту святилища. «Бог создал святую Мекку в день, когда сотворил небо и землю... И она будет святой из святых до Судного дня»²².

Это заверение, даже в суровые дни после смерти Мухаммеда двумя годами позже, давало утешение и успокоение верующим. Оно предполагало, что Бог не покинул их. Несмотря на потерю пророка, Аравия оставалась изменившейся. И речь идет не только о Мекке. То же самое можно сказать об умме. В течение следующих лет, десятилетий и веков мусульманский народ сделает все, чтобы превратить весь мир в покоренный «Куб», очищенный и освященный. К тому вре-

мени, как Ибн Хишам начал писать биографию пророка, уже не одни только арабы, вознося молитвы, обращали лица к Мекке. Странные народы, о которых пророк, скорее всего, даже не слышал – вестготы и берберы, согдианцы и парфяне, – шагали по горячим пескам Аравии – паломники направлялись к Каабе. Хотя Ибн Хишам не касался этого явления в своей сире, не было недостатка в других ученых, желавших поведать о невероятных завоеваниях в годы после смерти пророка, причем не в одной только Аравии. Такому интересу вряд ли стоит удивляться. В дни язычества ничто не доставляло арабам большего удовольствия, чем хвастовство, все равно чем – славным подвигом, актом бандитизма или унижением соперника. Теперь они похвалялись служением делу Господа. От Бадре до самых дальних уголков мира летопись ислама стала историей невероятного военного триумфа. Захватывались города намного крупнее Мекки, покорялись народы намного сильнее курейшитов. Масштаб этих побед, одержанных вопреки существованию великих империй и почтенных религий, был для любого человека достаточным доказательством истинности претензий пророка. «Это знак того, что Бог любит нас, – воскликнул один восторженный араб, – и доволен нашей верой, поэтому он даровал нам господство над другими народами и религиями»²³.

И все же тревога никуда не делась. Даже среди богатства и великолепия великой империи, огромной – больше всего, о чем мог мечтать Мухаммед, мусульманский народ не мог

избавиться от мысли о собственном упадке. Следующее после Ибн Хишама поколение завершило его сиру, и ученый, которому предстояло быть раздавленным свалившимися на него книгами, поразительный эрудит по имени ал-Джахиз, мог видеть весь триумфальный ход исламской истории как начало конца. Был только один период, который по праву можно назвать золотым веком. Те, кто слышали проповеди пророка, скакали по пустыне рядом с ним, будучи его спутниками, – их называли сахабами, – только они могли утверждать, что были приверженцами истинного монотеизма в полном смысле этого слова. Отсюда, конечно, и их потрясающие успехи. Поколение, только что похоронившее пророка, устремилось на покорение мира, и оно достигло своей цели – чего же еще желать? Людей, которые вели в бой войска, называли халифами, или преемниками пророка, все они были близкими друзьями Мухаммеда. Первый халиф – седой ветеран по имени Абу Бекр – был его спутником во время бегства в Медину и отцом его любимой жены; второй, Омар, был его шурином. Третий халиф, Осман, был женат на одной из дочерей пророка; четвертый – Али ибн Аби Талиб (Али ибн Абу Талиб) – был кузеном пророка и принял ислам в нежном возрасте девяти лет. В некоторых источниках его называют братом пророка. Эти четыре человека правили в общей сложности тридцать лет, но к тому времени, как ал-Джахиз взялся за перо, они уже были на пути к вечности, и большинство мусульман чтили их как праведных халифов.

Конечно, период их правления не сравнивали с правлением Мухаммеда в Медине, но все же он тоже считался золотым веком. «В это время, – писал ал-Джахиз, – не было оскорбительных действий и скандальных инноваций, равно как и непокорности, зависти, злобы и вражды»²⁴. Ислам оставался чисто исламским.

Но после каждого лета всегда приходит зима, а после золотого века наступает век железный. В 661 г. эра праведного халифата завершилась, и ее конец был трагическим и кровавым. Халиф Али был убит. Спустя два десятилетия его сын был сражен в бою. Губы, целовавшие пророка, были насмешливо проткнуты тростью завоевателя. К этому времени династия деспотов из числа курейшитов – Омейяды – уже крепко вонзила свои острые когти в этот халифат и создала свой собственный, к ужасу богобоязненных мусульман. Новые халифы пили вино, держали при себе ручных мартышек, называли себя не преемниками пророка, а заместителями Бога. Их чудовищное поведение не могло не вызвать гнева небес, и в 750 г. Омейяды были свергнуты и бежали, постоянно подвергаясь преследованиям. Но последствия их почти векового правления исправить было непросто. И неважно, что пришедшая им на смену династия Аббасидов претендовала на происхождение от дяди пророка, – золотой век праведных халифов так и не вернулся. Наступившая эпоха больше напоминала мрачное время до прихода пророка. Процветали соперничавшие секты, равно как и соперничавшие ха-

лифы. За стенами дворцов, где преемники пророка одевались в шелка и вкушали пищу с золотых тарелок, бедные страдали от угнетения могущественных и жестоких богачей. Встал жестокий вопрос: как вышло так, что все ухудшилось? И еще один, еще более жестокий: как все исправить?

Прошло два столетия после хиджры, и давно исчез с лица земли последний человек, видевший живого пророка. Тем не менее большинство мусульман были уверены: не может быть правильного решения проблемы, если ему не хватает одобрения возлюбленного пророка. В посланнике Бога – об этом Всевышний сам сообщил верующим – вы имеете «прекрасный пример вам»²⁵. Поэтому составить его жизнеописание – значит оказать услугу всему человечеству, дав ему совершенную модель поведения. Шли годы, писались новые биографии, каждая подробнее предыдущей, и почитание пророка укреплялось. То, что его рождение было отмечено несомненными чудесами, предсказывающими новый век (появление странных звезд на небе и нашептывания джинна в уши провидцев), было известно еще Ибн Хишаму. Время значительно расширило список чудес. Новые свидетельства, о которых не подозревали первые биографы пророка, показывали его человеком, который умел предсказывать будущее, понимать язык верблюдов и получать информацию от пальмовых деревьев и кусков мяса. Утверждали, что он может подобрать глазное яблоко солдата, вставить на место, и оно будет работать лучше, чем раньше. Результатом стало

еще одно чудо: чем больше времени разделяло пророка и его биографа, тем длиннее оказывалась биография.

Совсем не требовалось целой книги, чтобы растолковать урок из жизни пророка Мухаммеда, нет, было достаточно одного рассказа, одной фразы. Хадисы – так называли эти обрывки биографических деталей – спустя столетие после Ибн Хишама существовали десятками, а может быть, и сотнями. Любой грамотный человек мог заглянуть в одну из многих компиляций, скомпонованных по темам. Вряд ли можно было найти тему, по которой не высказывался Мухаммед. Захоти богобоязненный верующий знать, может ли он жениться на демоне, или почему большинство проклятых – женщины, или как оргазм во время зачатия повлияет на внешность будущего ребенка, хадис даст ответ. Возможно, хадисы и были отрывками из биографии пророка, но выражали суть мировоззрения Мухаммеда, записанную и сохраненную для просвещения будущих поколений. Что могло стать более ценным для мусульман? Взятые вместе, хадисы представляли нечто намного более значимое, чем просто антология цитат. Они являли собой исключительный свод законов, затрагивающих все грани человеческого бытия (почти ничего не пропускалось и ничего не оставлялось на волю случая). Сунна – так называли его ученые, изучавшие хадисы. И это было еще одним основанием для гордости мусульман. Их законы формулировались не на основании сложившихся традиций, и их никто не придумывал, они были даны свыше – так

считалось. Сунна инструктировала верующих по поводу их обязанностей по отношению к беднякам, точно указывала, как надо молиться, куда совершать паломничество, что есть и когда поститься, укрощая таким образом инстинкты некогда диких обществ и давая им понятие о цивилизованной общине человеческих существ. Те, кто жили по этим законам, считали их настолько чудесными, что не сомневались в их небесном происхождении. Как выразился один знаменитый специалист по хадисам, «они были доведены до пророка Гавриилом, а Гавриил был послан Богом»²⁶. Логика очевидна.

Итак, в IX–X вв. эпизоды из жизни пророка Мухаммеда навечно вплелись в ткань мусульманской жизни. Эпоха пророка и его сподвижников не была забыта. Те, кто преданно трудились, чтобы сохранить память о ней, никогда не сомневались в значении своих стараний. Недостаточно снабдить широкие массы верующих правилами и стандартами поведения. Аппетиты богатых, могущественных, хорошо откормленных людей, презиравших социальную справедливость, в первую очередь вызывали гнев пророка, а значит, их необходимо было усмирить. «Тот не является правоверным, кто набивает живот, когда его сосед голодает»²⁷. Здесь среди множества хадисов были максимы, призванные растревожить любого, склонного к легкой наживе. Для элиты, погрязшей в угнетении и жадности, негодование Мухаммеда по поводу несправедливостей в человеческом обществе, сохраненное в записях его высказываний, должно было показаться удру-

чающим. Неудивительно, что ученые халифата, справедливо подозревая своих правителей в непомерных амбициях и жадности, всеми силами старались подтвердить подлинность хадисов. Мусульманский народ не должен сомневаться в их истинности, каких бы усилий это ни требовало. Здесь перед юристами и биографами, историками и религиозными учеными-ислаamistaми стояла другая непомерная задача. Связь между их собственным миром и эпохой пророка должна была считаться доказанной – к всеобщему удовлетворению.

Ставки не могли быть выше. Установи подлинность хадисов – и настоящее будет нерушимо связано с прошлым. Естественно, было крайне важно, чтобы опоры и стойки, использовавшиеся для этой цели, – по-арабски иснады – были достаточно крепкими, чтобы продержаться в течение многих веков. Для такой масштабной цели требовалась непрерывная последовательность авторитетных источников, каждый из которых связан с предыдущим на протяжении поколений и в конечном итоге с истинными словами пророка. К счастью, недостатка в передаточных звеньях не было. Иснады устояли. Спустя пять веков после смерти пророка мусульманские ученые не сомневались, что вряд ли бы нашелся аспект человеческой жизни, который благодаря их титаническим усилиям не был надежно связан с каким-нибудь полезным хадисом. Теперь не оставалось риска, что правоверные могут упустить из виду пример великого пророка, как раз наоборот: узы, связывающие настоящее с прошлым, не мог-

ли быть прочнее. Иснады, как туго переплетенные нити, казались одновременно бесконечными и неразрывными. Жизнь пророка не кануло в прошлое – оно сохранялось до мельчайших деталей.

Не было предела и наследию, оставленному Мухаммедом правоверным. И не важно, как много новых чудес и предсказаний приписывалось ему новыми биографами. В глубине души мусульмане знали, что было только одно чудо – исключительное, превосходящее все другие. «Тебе мы ниспослали это писание в объяснение всех вещей»²⁸ – так Бог сказал Мухаммеду. «Писание», разумеется, – это сунна всех многочисленных откровений, ниспосланных пророку в течение его жизни. Они, записанные его последователями, после смерти пророка были собраны, чтобы образовать единое повествование – Коран. Кто и как выполнил этот великий проект, впоследствии много обсуждалось. В конце концов было принято, что сделал это Осман – третий халиф. В результате слово Божье, изреченное пророком много лет назад в пещере, что недалеко от Мекки, было сохранено в письменной форме для вечного блага человечества: «он знамения, ясные сердцам тех, которым дано знание»²⁹. Для мусульман это «произведение» стало величайшей наградой. В каждом его слове, в каждой букве сиял божественный огонь, яркий, незатухающий, вечный. Коран предлагал всем живущим на земле нечто бесконечно ценное – проблеск небесного сияния.

Многие считали, что такая награда могла существовать

только несотворенной, вне границ времени и пространства. Ведь представить, что Бог мог быть как-то отделен от Его слова, – значит совершить смертный грех – ширк. Как это понимание могло сосуществовать с не подлежащим сомнению фактом, что Мухаммед получал откровения в течение нескольких лет, требовало тщательного и деликатного расследования. Неудивительно, что прошло много веков, прежде чем проблема разрешилась к общему удовлетворению. Глубоки воды – и только мусульманин, вся жизнь которого подтверждает его благочестие, мудрость и ученость, может осмелиться окунуть палец ноги в бесконечность такого океана. Несмотря на то что написание комментария к Корану (тафсира) для ученого считалось деятельностью, достойной самой высшей похвалы, на его пути было много опасностей, ведь «для неверных, уклонившихся от пути Божия, мы будем прибавлять муку за мукой»³⁰. Гибель подстерегает неосторожного исследователя Корана буквально на каждом шагу. Последствия малейшей ошибки могут быть роковыми.

Шли века, и люди успешно справлялись с трудностями. Вокруг сияющего ядра, каковым был сам Коран, появлялось все больше новых комментариев, раскрывающих даже мелкие детали. Самым примечательным достижением стала идентификация процесса, посредством которого пророк шаг за шагом получал слово Божье, – отнюдь не простое дело. Божественная цель в конечном счете – отправить послание человечеству, а не снабжать биографов Мухаммеда

ключами для понимания происходящего. В результате ссылки на жизнь пророка в священном тексте были настолько трудными для понимания, что граничили с непостижимыми. Сам Мухаммед, к примеру, назван по имени только четыре раза³¹. Места, связанные с ним, упоминаются вскользь и неопределенно. Даже самые драматические эпизоды его биографии – конфронтация с курейшитами, побег в Медину, очищение мечети Кааба – не получили прямого подтверждения. Коран не дает и толкования жизни пророка. Кроме того, его текст настолько сжат, иносказателен и обтекаем, что сам требует толкования. К счастью для мусульман, именно это сделали тафсиры. Вооружившись ими, правоверные смогли проследить то, что иначе считалось бы не оставившим следа: точно определенные стадии получения Корана Мухаммедом. Только читая священный текст с комментарием, стало возможным, к примеру, различить откровения в Мекке и Медине, идентифицировать стихи, которые последовали за сражением при Бадре, распознать ссылки на тайное убежище пророка в пещере, на его подлого дядю и домашние мероприятия его жен. Отождествление, как было и с другими плодами мусульманской учености, обеспечили безукоризненные свидетельства. Иснады стояли у истоков каждого отрывка. Пусть Коран вечен и несотворен, однако он твердо и неразрывно связан с устоями человеческого прошлого. Бог говорил с Мухаммедом, а Мухаммед был человеком и принадлежал миру. Следовательно, ислам рассмат-

ривался одновременно как вечный, зародившийся в определенный момент времени, в определенном месте, при посредстве определенного пророка.

Верующим была оказана милость, сообщил Коран, когда «Бог воздвиг среди них пророка из них самих, который читает им знамения Его, очищает их, научает их писанию и мудрости, тогда как они до того времени были в заблуждении»³². Именно так мусульмане видят истоки своей веры. Истоки, которые следовало трактовать не как простые исторические записи, а как бесспорное и очевидное доказательство созидательной руки Бога.

Воздушное ничто

Неудивительно, что мусульманским ученым потребовалось немало времени для оформления Сунны. Приписываемых пророку Мухаммеду высказываний было так много, что только в XI в., то есть спустя четыре столетия после его смерти, ученые заявили, что справились с проблемой. Но даже тогда они не смогли расслабиться. Их ожидала еще более сложная проблема: точно определить, что же именно Господь, говоря устами его пророка, даровал мусульманскому народу. Естественно, выяснить цели всемогущего и всеведущего божества – дело отнюдь не простое. Как заявил один ученый IX в., явно охваченный пораженческими настроениями, «воображение не в состоянии постичь Его, а мышление – понять

Его»³³. В частности, потребовалось шестьсот лет ожесточенных споров между учеными Сунны, прежде чем они пришли к согласию в вопросе о природе Корана: он вечен, не сотворен и божественен, не отражение Бога. Проблемы оказались слишком критическими, щекотливыми и требующими деликатного обращения, поэтому не следовало спешить.

Мусульманские теологи были не первыми, кто старался объяснить смысл священных книг. Задолго до того, как Бог стал вещать устами Мухаммеда, христиане задумались над вопросом: как божество, переступившее пределы времени и пространства, могло спуститься с неба на землю? То, что они идентифицировали это вторжение божества в царство смертных с личностью, а не с книгой, не облегчило проблему. Христиане спорили о природе Христа почти так же долго, как мусульмане – о природе Корана. Правда, в первые годы распространения христианской веры эти споры вряд ли были слишком уж масштабными. Но в период поздней Античности, когда в борьбу включились императоры и короли, такие споры меняли облик целых империй. Размышления философов преобразовали как цивилизацию ислама, так и христианский мир. И Восток, и Запад стали свидетелями того, что, видимо, было самым невероятным открытием поздней Античности: размышления над тем, как Бог мог проявить себя на земле, способны неузнаваемо трансформировать поведение и образ мыслей целых народов.

Тем не менее, хотя мусульмане и христиане столкнулись

с примерно одинаковыми проблемами, пытаясь их решить, они пошли совершенно разными путями. Не приходится сомневаться: если Бог отождествляется со словами в книге, то эти слова не должны поддаваться попыткам рационального анализа. Даже мысли о таком проекте являются богохульством. Для благочестивых мусульман было так же невероятно подвергать сомнению происхождение Корана, как для благочестивых христиан – рыскать по Иерусалиму в поисках скелета человека с отверстиями в руках и ногах. Это потому, что ближайшая христианская аналогия с ролью, сыгранной в исламе откровениями пророка, – не Библия, а Иисус. Жизнеописание Христа, несмотря на то что находится в самом сердце христианской веры, не считалось божественным, в отличие от самого Христа. Хотя христиане верили, что это – слово Божье, они также знали, что оно передано через смертных, подверженных ошибкам. В Библии было не только четыре разных повествования о жизни Христа, но также много других книг, написанных на протяжении длительного периода времени. Их определенно следовало проанализировать, взвесить и сравнить. В результате контекстуализация древних текстов стала привычным делом для теологов, а необходимые для этого навыки накрепко въелись в христианские мозги.

И, в свое время, в мозги, которые едва ли были христианскими.

К XVIII в. церковь уже давно лишилась монополии на

представление священных текстов для изучения учеными. Модель истории, продвинутая Евсевием, которая прослеживала в прошлом проявление целей Бога, начала изживать себя. В масштабном повествовании об упадке и крушении Римской империи английский историк XVIII в. Эдуард Гиббон подверг препарированию ряд самых почитаемых трудов поздней Античности. Единственный недостаток этих весьма привлекательных сочинений, писал он, – это недостаток правды и здравого смысла³⁴. Таким образом, он насмешливо отверг труды одного выдающегося святого. И все же его ироничный тон был всего лишь предвестником обнаженно-го скептицизма, с которым начиная с XIX в. и далее подвергался безжалостному анатомированию практически каждый догмат христианской веры. Потрясение для все еще набожной европейской публики оказалось воистину seismicким. В 1863 г., когда бывший семинарист по имени Эрнест Ренан отважился опубликовать биографию Иисуса, в которой главный герой рассматривался не как Бог, а как обычный человек, ничем не отличающийся от любого другого, один из критиков, пришедший в ужас, назвал книгу вторым распятием Господа Нашего³⁵. Книга в одночасье стала бестселлером. Пусть она оказалась скандальной, но, как выяснилось, европейская публика к этому отнеслась весьма спокойно.

Разумеется, под микроскоп была помещена не только жизнь Христа. За четыре года до опубликования книги Ренана Чарлз Дарвин обнародовал свой эпохальный труд «О

происхождении видов», подразумевавший, что библейский рассказ о творении, мягко говоря, далек от правды. И джинн скептицизма оказался выпущенным из бутылки. Время показало, что на христианском Западе не будет возврата к привычке подвергать научному исследованию то, что тысячелетиями считалось священным миром Бога. На протяжении всего XIX в. в тихих библиотеках германских теологических департаментов теологи корпели над страницами Библии, грызя священные тексты, словно термиты. Они объявили, что первые пять книг были написаны вовсе не Моисеем, как традиционно считалось, а были собраны из разных источников (то, что Моисей не мог быть автором первых пяти книг Библии, впервые заключил еще в XI в. иудейский врач при мусульманском дворе в Испании). Дело даже не только в этом. Все эти источники почти наверняка были написаны спустя много веков после описанных в книгах событий. Получилось, что Моисея сделали глашатаем законов, которые он, вероятнее всего, никогда не произносил, если, разумеется, он вообще существовал. Библейское полотно трещало по всем швам, и некоторые теологи начали тревожиться из-за последствий. «Остается только подвесить начало иудейской истории, – мрачно заметил один немецкий теолог, – не на великие творения Моисея, а на воздушное ничто»³⁶.

Тем временем, пока европейские теологи раздергивали и штопали библейское полотно, их коллеги из исламского мира достигли качественно нового уровня самоуспокоенности.

В XVIII в., примерно в то же время, когда Гиббон приступил к написанию римской истории, мусульмане пришли к выводу, что узнали все уроки, которые мог преподать им пророк, и что по этой причине «ворота трактовки»³⁷ закрылись. Даже неизменный скептик Гиббон оказался под впечатлением множества свидетельств, которые могли использовать будущие биографы Мухаммеда. Для него и для других европейцев глубина и детальность мусульманских трудов о происхождении ислама стали откровением, хотя они никогда не сомневались, что жизнь и деятельность Мухаммеда доступны для тщательного изучения. Заслуживает восхищения не распространение, а постоянство религии, писал Гиббон. Те же чистота и совершенство, которые пророк привил в Мекке и Медине, сохранились после революций двенадцати столетий индийскими, африканскими и турецкими прозелитами Корана³⁸. В сравнении с великими фигурами Библии Мухаммед обладает явной и завидной твердостью. Ренан – прилежный арабист, когда не помещает котика среди христианских голубей, – писал, что ислам родился не среди таинств, окружающих колыбели других религий, а в ярком свете истории³⁹. Ибн Хишам не мог бы сказать лучше.

Вот только был намек, слабый намек на проблему. Словно тончайшее пятнышко сухой гнили, оно сразу не было заметно, но даже тот, кто его увидел, не обращал внимания. Когда Гиббон в скромной сноске робко заметил, что ни один

из историков, к которым он обращался для консультации относительно биографии Мухаммеда, не был автором «первого века хиджры»⁴⁰, он предпочел не делать выводов. Однако спустя сто лет после строгой критики, которой подверглось происхождение иудаизма и христианства, некоторые авторы начали понимать, что ислам тоже, возможно, имеет проблемы с источниками. Объектом пристального внимания стала широкая сеть стоек и опор, на которую опиралась Сунна, а с ней и понимание большинством мусульман своего пророка – хадисы. Видимо, этого и следовало ожидать. В эпоху, когда иудейские и христианские теологи отважились подвергнуть сомнению фундаментальные догмы собственных религий, те из них, кто обращался к исламу, были попросту обязаны удивиться огромному объему высказываний, посмертно приписанных Мухаммеду. Вопрос, который они задавали, оказался несложным, но мог иметь ошеломляющие последствия: действительно ли хадисы были подлинными?

Этот же вопрос тревожил многих выдающихся мусульманских авторов тысячелетием раньше. Их исследования были тяжелыми, а выводы – суровыми. Они свободно признали, что бесчисленные хадисы зачастую являлись поддельными, многие из них противоречат друг другу, а халифы, правоведы и еретики создали их волей-неволей для разных целей. Тем не менее мусульманские теологи настаивали, что в куче мусора есть золото, бесценное золото. Соответственно, желая определить, какие из высказываний пророка могут

считаться подлинными, а какие следует отбросить, они объехали все земли уммы, собирая хадисы везде, где только могли их найти, а потом подвергли каждый самому тщательному и строгому анализу. Об ал-Бухари – самом известном охотнике за хадисами – говорили, что он собрал около 600 тысяч предполагаемых высказываний пророка и отбросил все, кроме 7225. Его коллекция хадисов, вместе с коллекциями еще пяти знаменитых собирателей, составляет Сунну. Подвергать сомнению ее ценность – значит сомневаться в фундаментальных основах исламских законов. Это в конечном счете касается вопроса истинности описания самого пророка. Риск ереси очевиден. Неудивительно, что большинство мусульман всегда опасались предпринимать такой скандальный и богохульный шаг (не все мусульмане безоговорочно принимали аутентичность коллекций Сунны: некоторые отвергали их еще в прошлом, а у других и сегодня есть собственные коллекции; многие мусульмане в IX в. утверждали – совсем как сегодняшние западные авторы, – что все хадисы ненадежны и сфабрикованы).

Но все это не повлияло на скептицизм сегодняшнего Запада. Начиная с 1890 г. и до сегодняшнего дня ученые нанесли ряд сокрушительных ударов по достоверности хадисов как записей того, что действительно мог сказать Мухаммед. Даже в самых знаменитых коллекциях, таких как собрание ал-Бухари, не удалось найти путеводную нить. Были сделаны героические попытки найти золото в куче мусора,

но все они оставались тщетными, поскольку для того, чтобы отделить истину от подделки, необходима некоторая дистанция. Современным авторам было легче определить, в отличие от ал-Бухари, что большинство даже по всем признакам аутентичных хадисов слишком часто если и являются золотом, то самоварным: это не мнения Мухаммеда, и на самом деле на них безошибочно видна печать противоречий, характерных для двух столетий после хиджры. Снова и снова пророк превращался в глашатая враждующих и часто антагонистических традиций. Многие из них не только не шли от Мухаммеда, но даже не были арабскими, уходя корнями в законы, обычаи и предрассудки язычников. Правоведам раннего халифата удалось посредством выдумки, возможно не имеющей себе равных в истории человеческой мысли⁴¹, невероятное: они проявили захватывающие дух творческие способности, собрав из отдельных деталей правовую основу для новой империи. Эти предприимчивые ученые приписали свои правила не своей инициативе, а самому авторитетному из существующих авторитетов – пророку. Сухая гниль подделки характерна для всей Сунны. Йозеф Шахт, германский профессор, воспитанный в строгих тевтонских традициях критического отношения к тексту, в 1950 г. написал революционный труд о том, как составлялись сборники хадисов. Он писал прямо и резко о том, что следует отказаться от неуместных фраз вроде «он прямо заявил», «изначально существовало аутентичное ядро информации, восходящее ко време-

нам пророка»⁴². Иными словами, как источник для изучения истоков ислама хадисы совершенно бесполезны.

А как насчет «стоек и опор» – иснадов, которые были расставлены с такой тщательностью и вниманием, чтобы подкрепить высказывания пророка? Их функция – засвидетельствовать подлинность хадисов: обеспечить мусульман проверенными передаточными цепочками, абордажными крюками, переброшенными через суету и беспорядки веков, якорями, помогающими им швартоваться у времен жизни пророка. Однако если высказывания сфабрикованы, само собой разумеется, что подделкой являются и иснады. Но это не самое худшее. Даже допустив, что хадис действительно относится к времени Мухаммеда, это не слишком усиливает его значение для будущих биографов пророка. Для любого историка главное – это контекст, но ни один мусульманский ученый или правовед, цитировавший пророка, никогда не проявлял ни малейшего интереса к установлению, каким мог быть аутентичный исторический контекст его высказываний. Выставить напоказ хадис – значило принять как должное, что содержащийся в нем совет универсален и вне времени. То, что мусульмане в период расцвета халифата жили при обстоятельствах, которые были бы невообразимыми для Мухаммеда, никогда не приходило в голову творцам хадисов. В результате там, где иснады не маскировали вульгарную подделку, они служили для того, чтобы стереть память о среде, в которой впервые прозвучали высказывания пророка. Как в

романах Агаты Кристи, убийцей неизменно оказывается подозреваемый с самым прочным алиби, так и в области изучения хадисов оказывается, что нет более четкого признака подделки или искажения, чем придирчивое внимание к деталям. Шахт с разочарованием Пуаро писал, что чем совершеннее иснад, тем более поздней является традиция⁴³. Обилие ссылок – признак отнюдь не достоверности, а как раз противоположного.

Все это для любого человека, искренне верящего, что все, содержащееся в мусульманской традиции относительно истоков ислама, правда, крайне тревожно и неприятно. Известный пакистанский либерал Фазлур Рахман спустя десятилетие после выхода в свет труда Шахта заметил, что если отказаться от всех хадисов, останется только зияющая пропасть в четырнадцать веков между сегодняшними людьми и пророком⁴⁴. Его тоска понятна. Рахман понимал, что не только правоведы раннего халифата старались построить мост через «зияющую пропасть» между ними и веком Мухаммеда, беспорядочно разбросав иснады. Историки тоже это делали. Как, например, мог Ибн Хишам подтвердить свою весьма эффектную историю о вкладе ангелов в победу Мухаммеда при Бадре? Он определенно оказался не первым, кто писал об этом. На самом деле он даже не отрицал факт плагиата, свободно заявляя, что его книга – это переработка биографии, написанной полувеком раньше человеком по имени Ибн Исхак, который был сыном внуков людей, принадлежав-

ших к поколению пророка. Но это вызывает лишь еще один вопрос: как получил информацию Ибн Исхак?

«Когда вы просили помощи у Господа вашего, Он, услышав вас, ответил: „Я поддержу вас тысячью ангелов, идущих рядами одни за другими“»⁴⁵ – так написано в Коране. Мусульманские ученые установили, что это могло быть только намеком на сражение при Бадре. Очевидцы – их свидетельства Ибн Хишам переписал из книги Ибн Исхака – подтвердили этот вердикт. Один из них утверждал, что если бы он вернулся в Бадр и снова обрел зрение, то мог бы показать узкую горную долину, из которой появились ангелы⁴⁶. Разве недостаточно свидетельств, чтобы удовлетворить даже самого закоренелого скептика? И все же, все же... Доказательства опираются только на иснады. Именно они подтвердили, что стих в Коране действительно относится к победе при Бадре (утверждение ветерана). Убери их – и свидетельств не будет вообще. Неудивительно, что Фазлур Рахман так опасался «зияющей пропасти». Он видел ничем не прикрытый скептицизм Запада по отношению к своей вере. В пустоте этой пропасти Коран не только выскользнет из рук, писал он, но и само существование и целостность Корана, и даже существование пророка станут ничем не подтвержденным мифом⁴⁷.

Его тревога была обоснованной. В течение последних сорока лет достоверность того, что мусульманская историче-

ская традиция может поведать нам о происхождении ислама, подверглась жестокой атаке. Дошло до того, что многие историки усомнились в ее значимости в целом. Конечно, есть те, кто считает сражение при Бадре таким же историческим эпизодом, как, скажем, сражение при Ватерлоо, анализирует стратегию мусульман, подсчитывает численность противоборствующих сил и иллюстрирует тактику противников стрелками на карте⁴⁸. Однако для многих других все это лишь смешение исторических данных с чем-то совершенно другим: литература. Войска и их преданность, грабежи и погони, испытания и батальные сцены⁴⁹; об этом писал Ибн Хишам в повествовании о сражении при Бадре, и о том же – Гомер в Илиаде пятнадцатью веками раньше. Один изобразил ангелов, другой – богов. Тогда с какой стати мы должны верить, что рассказ о первой великой победе пророка более достоверен, чем легенда об осаде Трои?

Конечно, для некоторых может оказаться жестоким ударом – обнаружить, что, за единственным исключением, мы не располагаем сохранившимся до наших дней описанием сражения при Бадре, датированным до IX в. У нас даже нет изначальной биографии Мухаммеда, написанной Ибн Исхаком, – только ее переработанные и исправленные варианты. Что касается материалов, на которые опирался Ибн Исхак, о них даже речи нет. В сравнении с триумфальным шумом, поднятым арабскими историками IX в., не говоря уже о последующих веках, молчание представляется оглушающим и

озадачивающим. Ситуация подтверждает сказанное. В течение почти двухсот лет арабы – народ, никогда не отличавшийся сдержанностью и скрытностью и побуждаемый, как нам сказано, исключительно религиозной убежденностью – завоевывали мир. И за все это время они не создали ни одного повествования о своих победах, по крайней мере ни одного, сохранившегося до наших дней. Как такое могло быть, если даже на задворках цивилизации – в Британии, на севере Англии – в этот самый период исторические книги писали, переписывали и бережно о них заботились? Получается, что дикие жители Нортумбрии смогли сохранить труды такого ученого, как, например, Беда, а мусульмане не сохранили ни одной записи из эпохи пророка Мухаммеда? Почему нет ни одного арабского рассказа о его жизни, завоеваниях его сподвижников, распространении его религии за двести лет после его смерти?

Даже единственное исключение из правила – небольшой обрывок папируса, найденный в Палестине и датированный примерно 740 г., – лишь добавляет загадок⁵⁰. Читать папирус – все равно что подслушивать игру в испорченный телефон. На восьми строчках приводится действительно удивительная информация – дата сражения при Бадре, которая состоялась не в священном месяце Рамадан. Почему это удивляет? Потому что более поздние мусульманские авторы, писавшие ученые и в высшей степени авторитетные комментарии к Корану, уверенно идентифицировали Бадр с таин-

ственной аллюзией на день «встречи двух ополчений»⁵¹ – дата соответствует Рамадану. Но, может быть, ученые ошиблись только в этом? Не исключено. Но если так, они могли ошибиться и во всем остальном. Что, если весь рассказ о победе при Бадре – всего лишь выдумка, произведение художественной литературы? Драматическая история, созданная чтобы объяснить намеки в Коране, которые иначе остались бы необъяснимыми? Сражение на краю долины, выигранное против ужасающих сил; ангелы, рубящие головы неверных; добыча, захваченная у разбитых караванов. В святом тексте определенно есть указания на все это. Но, за исключением единственного упоминания, названия «Бадр» больше нигде нет⁵². Нет никакого подтверждения тому, что великое сражение – такое, каким его описал Ибн Хишам, – когда-либо там состоялось. Чем бы ни был Коран, он – не исторический труд. Поразительно, но, если бы не комментарии, толкующие тайны Корана, биографии пророка и разрастающиеся коллекции хадисов – ни одна из которых, в той форме, в которой они дошли до нас, не датируется ранее чем третьим веком после хиджры, – мы бы не имели никаких оснований связывать его с человеком по имени Мухаммед.

Факт, что приход ислама был одним из главных революционных событий мировой истории, вполне очевиден. Тем более странно осознавать, что из документальных свидетельств, созданных ранее 800 г., мы располагаем лишь маленькими крупинками, или обманчивым мерцанием мира-

жей⁵³. Ни одна империя, конечно, не может быть построена посреди безмолвия. Но то, что мы сегодня слышим об основании халифата, – пустые звуки, сказки, рассказанные на много веков позже и означающие если не вообще ничего, то очень мало. Голоса арабских воинов, разрушивших древние империи Персии и Рима, их сыновей и внуков, не говоря уже о дочерях и внучках, умолкли раз и навсегда. Ни писем, ни речей, ни дневников, если таковые велись, не сохранилось. До нас не дошло ни намека на то, о чем думали люди, создавшие халифат, что они чувствовали, во что верили. Это все равно как если бы мы не имели свидетельств очевидцев о протестантской Реформации, Великой французской революции или двух мировых войнах. Тогда что удивительного в том, что ведущий историк, изучавший процесс, посредством которого ислам в IX–X вв. начал конструировать для себя приемлемое прошлое, объясняющее его приход к мировому господству, жалуясь на утрату ранних традиций, назвал его катастрофическим⁵⁴. Так что ислам родился вовсе не при полном свете истории. Его рождение было окружено – и теперь в этом уверены многие исследователи – практически непроницаемым мраком.

Правда, лишь очень немногие ученые доходят до утверждения, что пророк вообще никогда не существовал⁵⁵. Некто по имени Мухаммед, судя по всему, определенно владел умами своих современников. В одном христианском ис-

точнике описывается фальшивый пророк⁵⁶, который вел сарацин на завоевание Палестины. Документ был написан в 634 г., через два года после традиционной даты смерти Мухаммеда. В другом источнике, написанном шестью годами позже, названо его имя. Впоследствии в течение нескольких десятилетий целый ряд священнослужителей и монахов писали о загадочной личности, которую они называли генералом, инструктором или царем арабов. Но эти упоминания – не говоря уже о том, что их авторы не являются мусульманами, – лишь в очередной раз подчеркивают полное отсутствие ранних мусульманских ссылок на Мухаммеда. Только в 690 г. халиф наконец догадался выбить имя пророка на общественном памятнике, и несколькими десятилетиями позже первые осторожные ссылки на него начали появляться в личных надписях. Только примерно в 800 г. были написаны биографии Мухаммеда, которые мусульмане потрудились сохранить. Что случилось с более ранними вариантами его жизнеописания, нам точно не известно. На одну возможность уверенно намекает не кто иной, как Ибн Хишам. Много из того, что предыдущие поколения записали о пророке, утверждает он, или подделка, или неточность, или кощунство: «Вещи, которые неловко обсуждать, вопросы, причиняющие страдания определенным людям, и сообщения, которые я не счел достоверными, я пропустил»⁵⁸. Вполне возможно. На карту, по мнению Ибн Хишама, была поставлена не только его репутация ученого, и даже не его честное имя,

а нечто бесконечно более важное – судьба его души.

Но здесь, наконец, terra firma. Мы можем утверждать с полной уверенностью, что к началу IX в. точные свидетельства того, что Мухаммед мог сказать или сделать двести лет назад, для многих людей стали дорожной картой, следуя которой можно было прийти прямо на небеса. Бог взял на себя управление событиями в мире людей. Мир пошел новым курсом. Подвергать сомнению это убеждение – значит рисковать оказаться в адском пламени. Учитывая столь безрадостную перспективу, неудивительно, что любое желание написать историю или биографию – в нашем понимании этих слов – блекло в сравнении с более неотложной обязанностью проследивать в жизни пророка желания и цели Всевышнего. Вот почему, оставив позади век Ибн Хишама и снова окупнувшись в беспокойный океан неопределенности и догадок, коим является ранняя история ислама, сегодняшние историки лишь с огромным трудом находят надежные карты. Когда барахтаешься в самой середине безбрежного простора, каков шанс найти берег? Конечно, всегда есть Коран, и все же сам священный текст, избавленный от сложных оболочек комментариев, которые строились вокруг него с большим трудолюбием начиная с IX в., только усиливает чувство путешественника, что он окончательно потерялся в мрачном океане. Ислам стоит в стороне, предположил один ученый, словно огромная скала, выступающая над поверхностью пустынного моря, каменная громада, на которой почти нет зна-

ков, как и зачем она появилась в водной пустыне⁵⁹. Добавим: и когда? В конце концов, если все колоссальное здание мусульманских традиций опирается в вопросе достоверности на иснады и если им нельзя доверять, как мы можем быть уверены, что Коран относится ко времени Мухаммеда? Откуда мы знаем, кто его составил и с какими целями? Можем ли мы быть уверены, что его истоки именно в Аравии? Короче говоря, знаем ли мы хотя бы что-то достоверное о зарождении ислама?

Учение, как природа, не терпит пустоты. Ряд историков в течение последних сорока лет отреагировали на злоеющее молчание, окружающее истоки ислама, предложив радикально новое решение. Они заявили, что источник Корана находится не в Аравии, а в Ираке, что изначально он был написан не на арабском языке, а на сирийском, лингва франка (язык глобального общения) Ближнего Востока в это время, а «Мухаммед» первоначально был титулом, относящимся к Христу⁶⁰.

Если книга пытается переписать основы главной мировой религии, да еще столь радикально, на обложке обязательно должно быть изображение тамплиеров или Святого Грааля. Однако сенсационный аргумент вовсе не обязательно является плодом стремления к сенсации. Во все не подражая Дэну Брауну, большинство ученых, исследовавших происхождение ислама, судя по всему, старались использовать в своих произведениях как можно более невразумительный словарь

и малоизвестные языки. В результате их размышления редко доходили до сознания широкой публики. Несмотря на то что западный интерес к исламу в последнее десятилетие достиг беспрецедентных высот, значительно реже говорится о его истоках. Словно речь идет о каком-то морском чудовище, которое только иногда поднимается над поверхностью воды, предпочитая плавать в темных глубинах.

И сложность вопроса – вовсе не единственная тому причина. В свое время Дарвина физически истощила постоянная тревога о том, как его теории будут приняты семьей и друзьями. И сегодня многие ученые переживают не меньше, опасаясь нанести оскорбление людям, вся жизнь которых основана на вере. Заявление, что Коран мог зародиться за пределами Аравии, произошел от христианских гимнов и вообще был изначально написан на сирийском языке, будет столь же шокирующим для мусульманина, как для христианина отрицание божественности Христа. В отличие от Европы XIX в., где разочаровавшиеся семинаристы и сыновья лютеранских пасторов задали тон в выставлении религии своих предков напоказ, предоставив ее на безжалостное историческое исследование, современный исламский мир, и в этом следует отдать ему должное, не проявляет склонности последовать этому примеру. Не появилось второго Эрнста Ренана, чтобы шокировать и дразнить правоверных мусульман. Авторство Корана не подвергается сомнению даже разочарованными отпрысками имамов. Те немногие мусуль-

мане, которые пожелали последовать по пути, проложенному европейскими учеными XIX в., как правило, предпочитали публиковать свои труды под псевдонимами, иначе сталкивались с неприятными последствиями. В любом случае в арабском мире сомнения в традиционном изложении происхождения ислама были связаны с риском серьезных угроз, судебным преследованием за отступничество и даже выбрасыванием виновного из окна⁶¹.

В результате – исход неизбежный, хотя и достойный сожаления – подвергать сомнению традиционное изложение происхождения ислама остается прерогативой западных ученых. Правда, некоторые из них мусульмане, а один – профессор университета в Мюнстере – пошел в старых тевтонов и заявил, как некоторые радикально настроенные коллеги-немусульмане, что Мухаммед – фигура мифическая⁶². К сожалению, все это не ослабило подозрений других мусульман, что зондирование и критическое исследование их древних священных традиций – некий тайный заговор, вероятнее всего организованный Моссадом или Ватиканом. Хотя, возможно, и американскими евангелистами. И тот факт, что методы, в настоящее время используемые западными учеными для помещения Корана в исторический контекст, сначала были испробованы на Библии, никак на эти подозрения не повлиял. Один оскорбленный мусульманский ученый заявил, что даже ярость крестоносцев бледнеет по сравнению с

дерзкой атакой современных академиков⁶³. Сей раздраженный вопль подразумевает, что неверующим нечего совать нос в происхождение ислама. Как сказал один строгий саудовский профессор, «только труды верующих мусульман достойны нашего внимания»⁶⁴.

Если довести это утверждение до логической крайности, получится, что только поклонники Юпитера имеют законное право писать о римлянах, а поклонники Одина – о викингах. Тем не менее вряд ли необходимо быть саудовским теологом или даже мусульманином, чтобы найти нечто глубоко дестабилизирующее в тезисе о том, что истории, рассказанные исламом о собственном происхождении, скрывают столько же, сколько открывают. Правоверные, в конце концов, не единственные кровно заинтересованы в надежности унаследованных ими традиций. То же самое свойственно и немусульманским историкам. Ученость многих веков базировалась на предположении о надежности источников раннего ислама. По сей день они продолжают подвергаться бесконечным переработкам – в популярных жизнеописаниях Мухаммеда и академических текстах⁶⁵. До сих пор принимается на веру то, что они остаются для любого желающего заняться историей ислама единственными реальными кирпичами, из которых строится здание. Вероятно, поэтому в прошлом веке, особенно в последних десятилетиях, многие ученые, занимавшиеся ранним исламом, вели довольно-таки

агрессивные арьергардные действия, направленные на спасение источников от избыточности. Хотя многие исследователи этого периода уже признают, что «в высшей степени сложно узнать многое об истоках ислама»⁶⁶, попытки укрепить основы не прекращаются. Кирпичи, сделанные Ибн Хишамом и его преемниками, все еще используются в строительстве.

Парадоксально, но факт: попытки устранить повреждения, нанесенные внушительному зданию мусульманских традиций, больше чем что-либо другое высветило размах смены парадигмы. Понятно, что, когда двое ученых могут посвятить всю жизнь изучению одних и тех же языков и источников и прийти к совершенно противоположным выводам, невозможно предполагать, что в происхождении ислама есть что-то само собой разумеющееся. Сорок лет назад от легкого сомнения в том, что мусульманская традиция повествует о своих истоках, вполне можно было отмахнуться, как от недостойного внимания. Ради такого пустяка не стоило беспокоить маститых экспертов. Это все равно что пытаться приписать пьесы Шекспира Фрэнсису Бэкону. А в наши дни вряд ли найдется другая историческая область, настолько расколота спорами и несогласием, как ранний ислам. Одна из ведущих мировых ученых, изучавших Коран, даже заговорила о «схизме». Она пожаловалась, что противоречия – является ли Коран аутентичными записями изречений пророка или антологией, составленной из разных ис-

точников, – пронизывают всю область его исследования⁶⁷. Но даже схизма – это слишком оптимистичная постановка вопроса. В реальности, вероятнее всего, дела обстоят еще хуже. По правде говоря, нередко кажется – на это указывает фрагментарность свидетельств, не говоря уже о сложности и деликатности вопросов, – что есть столько разных трактовок происхождения ислама, сколько экспертов, его изучающих⁶⁸.

Все это у неспециалиста может вызвать головокружение – вроде того, что может поразить любопытного, пытающегося рассматривать тропмлей² в зеркальном зале. Поэтому нередко хочется отступить от проблемы, закрыть на нее глаза и сделать вид, что ее вовсе не существует. Переформулируй традиционные исламские источники и следуй по пути наименьшего сопротивления, что может быть проще? В конце концов, как сказал один известный исследователь хади-сов, споры об иснадах стали не только долгими, но и скучными. Тем не менее, как он часто напоминал малодушным, в нем должны участвовать ученые, исследующие происхождение ислама. Это даст возможность продвинуться в изучении более сложных и более запутанных вопросов. Избегать их – это в лучшем случае наивность, а в худшем – халатность⁶⁹. История, в отличие от веры, не может опираться на фундамент из песка.

---

² Тропмлей – обманки и иллюзии (от *фр.* trompe-l'oeil – обман зрения).

Но где найти твердые камни для фундамента? Начиная писать эту книгу, я понятия не имел, что обнаружить их будет настолько проблематично. Первоначально я пребывал в невежестве и, прочитав несколько биографий пророка, предполагал, что источники, датированные периодом его жизни, надо всего лишь найти. Поэтому для меня оказалось настоящим ударом обнаружить, что основная масса того, чем мы располагаем, служит, по образному выражению одного историка, «памятником разрушению, а не сохранению прошлого»⁷⁰. Я столкнулся с теми же проблемами, которые тревожили исследователей раннего ислама на протяжении последних сорока лет. Каким образом, если фундамент мусульманской традиции так зыбок, можно писать о происхождении ислама? Как можно надеяться – если иснады и множество трудов, которые на них полагаются, ненадежны – объяснить зарождение одной из величайших мировых цивилизаций? Неужели это действительно тот случай, когда отсутствие сюжета и есть единственный сюжет?

К счастью, несмотря на неразбериху и неясности, в одном мы можем быть уверены точно: ислам зародился не в полном вакууме. Мы определенно много знаем о мире, в котором родился Мухаммед, – в нем соперничали супердержавы и существовала масса монотеистических верований. Сравнить возможное господство Персии и Рима с империей, которой стал халифат, или проследить эхо иудейских и христианских священных писаний в Коране – значит признать, что

ислам явился не концом того, что было раньше, а кульминацией. Даже вера, которой давно придерживались мусульмане, в то, что пророк получал откровения не через человека, а через ангела, на самом деле указывает глубину укоренения доктрин ислама в почву древнего Ближнего Востока. Откуда точно возникла традиция о первой встрече Мухаммеда с Гавриилом в пещере? На это в Коране ссылок нет, равно как и на первоначальные страдания пророка при получении откровения, а также на то, что он слышал чей-то голос вообще. Однако на землях, покоренных арабами, давно считалось само собой разумеющимся, что ангелы посещают тех, кто особенно угоден Богу, и этот опыт часто бывает мучительным. Совпадение? Маловероятно. Скорее это отражение уникальных обстоятельств, сложившихся в мире, который арабы, опираясь на фундамент, заложенный персами и римлянами, сделали своим собственным. Это мир, в котором страстное желание понять цели единственного божества стало всеобщим, а «Гавриил» – имя, бывшее у всех на устах.

Таким образом, для всех размышляющих о том, как Ближний Восток, разделенный между двумя почтенными империями, мог стать мусульманским, открывается интересное и многообещающее направление исследования. Возможно, ислам не только не возник вне основного потока древней цивилизации, а был религией, зародившейся в великой традиции иудаизма и христианства, вскормленной самой сутью поздней Античности?

Сектантское окружение

Нельзя утверждать, что Гавриил вообще не упоминается в Коране. В одном стихе подтверждается его роль агента, который передавал откровения в сердце избранного Богом посланника, в другом он описан, как готовый вмешаться в домашнюю ссору между пророком и двумя его женами⁷¹. Отсюда следует, что, когда и где бы ни был написан Коран, его целевая аудитория была хорошо знакома с самым известным библейским ангелом. Убедительное доказательство этого – подробное освещение, данное пророком тому, кто, как всегда считали христиане, принес главную из благих вестей: посещение Гавриилом Девы Марии, матери Христа. Этому событию придана видная роль и в Коране – где он пересказывается не единожды, а дважды. Дева Мария определенно была личностью, о которой пророк знал. Она не только единственная женщина, которая в откровениях упоминается по имени, но также присутствует в целом ряде эпизодов, помимо Благовещения. Детали, не вошедшие в Новый Завет, – к примеру, что у нее начались роды под пальмовым деревом, и ее сын говорил с ней из ее живота, предлагая съесть финик или два, – отражены в Коране. Благодаря этому мусульмане, с большим презрением относившиеся к христианскому Священному Писанию, решили, что намного лучше информированы о жизни Христа, чем те, кто по недомыслию и

заблуждению предпочитают поклоняться ему, как божеству.

Но как пророк узнал эти истории? Для мусульман такой вопрос – пустая трата времени. Мухаммеда посещал ангел Господень. Христиане верили, что Мария, дав жизнь сыну, произнесла Слово⁷² (Христос – Слово, ставшее плотью), а последователи Мухаммеда точно знали, что его откровения, произнесенные, когда пот капал с его лба⁷³, – это речи самого Бога. Мусульмане были не более склонны спрашивать, повлияли ли на пророка священные писания других вероучений, чем христиане – удивляться, действительно ли Мария была девственницей. По мнению правоверных мусульман, надменные иудеи и ограниченные христиане так и не смогли понять, что каждый пророк, упомянутый в Библии, на самом деле был приверженцем ислама. Отсюда видная роль многих из них, от Адама до Иисуса, в Коране. И Девы Марии, конечно. Тот факт, что истории о Деве, которой помогло пальмовое дерево, в действительности были христианской традицией на протяжении многих веков и, судя по всему, в свою очередь, произошли от легенды греческих язычников, небрежно игнорировались, впрочем, так и должно быть⁷⁴. Ни один мусульманский ученый не смог бы одобрить идею о том, что пророк повторяет рассказы неверных. По крайней мере, Коран не произошел от внешних источников. Скорее иудеи и христиане, позволив исказить свои священные книги, остались с извращенными вторичными писаниями. Только в Ко-

ране должным образом сохранена величественная чистота божественного откровения. Все до единого слова его, слоги и буквы шли прямо от Бога, и только от Него одного.

Возможно, следовало ожидать того (несмотря на неоднозначность самого священного текста), что появится традиция, говорящая о неграмотности Мухаммеда. (Два стиха Корана – 7: 157 и 29: 48 – обычно приводят в качестве этого доказательства; в 7: 157 его называют *ummi*, что обычно переводится как «неграмотный». Но это слово также может означать «лишенный священной книги», в смысле иудейской или христианской; добавляет неопределенности то, что Коран часто называет себя *kitab* – книга, и в 25: 4–6 подразумевается, что Мухаммед мог читать, а у Ибн Хишама сказано, что Мухаммед мог не только читать, но и писать.) Так что, даже если бы пророк захотел полежать на песочке с парой-тройкой книг неверных, он все равно ничего не смог бы в них разобрать. Возможно, это утешительная мысль для мусульман, она все же не может расцениваться как надежное свидетельство того, что Коран на самом деле спустился с небесных высот. Более верное доказательство – обстоятельства воспитания Мухаммеда. В конце концов, Мекка была населена язычниками, а не иудеями и христианами, и располагалась она в самом центре огромной пустыни. Древние столицы Ближнего Востока, которые более четырех тысячелетий являлись средоточиями цивилизации, гигантскими чашками Петри, заполненными людьми всех мыслимых

верований, а также храмами, синагогами и церквями, были очень далеко. Даже до границ Палестины, где Авраам построил свою гробницу, где правил Соломон и был распят Христос, было 800 миль. С какой стати мусульманские правоверные могли заподозрить, что пророк, родившийся и выросший так далеко от подобного окружения, вдруг оказался под влиянием чужих традиций, доктрин и писаний? Одна только профилактическая огромность непреодолимой пустыни, окружающей Мекку, делала ответ на этот вопрос очевидным. Как кровь и плоть Девы Марии, по мнению христиан, вскормили пришедшее в мир божество, так и, по мнению мусульман, бескрайние пески Аравии сохраняли слово Божье на всем протяжении его затянувшейся «доставки» в состоянии безупречной чистоты.

Но чистота, в которой родился ислам, была не только физической. Бездна также была духовной. Мусульманские ученые называли ее джахилия – век невежества⁷⁵. Арабы, которые пили, воровали, бранились, закапывали в песок нежеланных детей, предавались плотским грехам и враждовали между собой, – так казалось их наследникам – пребывали в непроглядном мраке, которым было отсутствие знания Бога. И поэтому приход пророка стал блистательным сияющим ярким рассветом. Контраст между исламом и предшествовавшим ему веком был как между полднем и полночью. И не только Аравия находилась во мраке. В тени невежества оказался весь мир. Однако Бог велик. Старый порядок был раз-

рушен, и его место занял халифат. Светлое сияние ислама, распространившееся за пределами Аравии до границ мира, принесло век света всему человечеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.